

Энтони Гилберт

Колокол смерти

*Часть сборника
Будильник в шляпной картонке.
Колокол смерти (сборник)*

Частный детектив Артур Крук

Энтони Гилберт

Колокол смерти

«АСТ»

1939

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Гилберт Э.

Колокол смерти / Э. Гилберт — «АСТ», 1939 — (Частный детектив Артур Крук)

Умолк колокол старинной церкви, веками призывавший прихожан к утренней службе... А несколько часов спустя в ризнице был обнаружен труп загадочного незнакомца. Косвенные улики указывают на то, что убийство совершил церковный звонарь. Однако у Артура Крука имеются большие сомнения в том, что этот тихий семьянин, питающий слабость к домашним растениям, — настоящий преступник. Но кто же тогда убийца? И что — или кого — видел случайно оказавшийся поблизости юный служка?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Гилберт Э., 1939
© АСТ, 1939

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Энтони Гилберт

Колокол смерти

Anthony Gilbert

THE BELL OF DEATH

Печатается с разрешения литературных агентств Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

© Lucy Beatrice Malleson, 1939

© Перевод. Н. А. Анастасьев, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Глава 1

Без пяти семь ожил, созывая верующих к заутрене, колокол церкви Святой Этельбурги в районе Эрлс-Корт. Мистер Артур Крук, вырванный его протяжным звоном из сладостных объятий сна, взглянул на наручные часы со светящимся циферблатом и проговорил с чувством: «Да поразит тебя гром небесный за все твои грехи». В тот же момент колокол умолк. Мистер Крук прислушался на мгновение, потом еще раз с некоторым удивлением посмотрел на часы. Было без трех минут семь.

«И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь»¹, – с некоторым облегчением процитировал он и вернул под одеяло свое расслабленное грузное тело.

Преподобный Генри Фейн, викарий церкви Святой Этельбурги, ворвался внутрь, как обычно, с опозданием на одну-две минуты. Это был благочестивый человек, но, как он утверждал, его постоянно преследовала тень, в чьи обязанности входило лишить его малейшего шанса быть пунктуальным. Можно было, в отчаянии признавался он, встать к восьми-часовой службе в половину седьмого, но в семь сорок пять он все еще яростно расчесывал волосы либо искал запропастившийся куда-то носовой платок. И дело тут не в природной лени или медлительности, а в каком-то дьявольском наваждении.

Служка, молодой, шестнадцати лет от роду, рассыльный, появился без четверти семь, когда в церкви было всего двое прихожан, то есть на одного меньше, чем обычно в такое время. Он сразу узнал в этих двух старую мисс Уильямс, жившую за углом, в темном подвальном помещении небольшого дома, и не столь старую миссис Маллинз, хозяйку квартиры над магазином канцелярских товаров. Не хватало же дамы с изуродованной ступней и трясущейся головой. Все понимали, что когда-нибудь ее поразит еще один апоплексический удар и ее жизни придет конец. Мистер Фейн выражал надежду, что произойдет это ночью, ведь, как бы он ни спешил, она наверняка скончается до его появления. Конечно, он мог бы послать вместо себя мистера Бартона, второго священника прихода, но, с точки зрения мисс Беньон, это было не то. Еще два года назад она взяла с викария обещание, что именно он окажется в нужный час у ее смертного одра и пропоет ей поминальный гимн.

– У вас, мой дорогой друг, это получилось бы гораздо лучше, – говорил мистер Фейн своему помощнику, – но почему-то никто об этом не думает.

– А ну как врачи порекомендуют ей морское путешествие и она умрет в море? – заметил как-то мистер Бартон, этот неисправимый оптимист, выполнявший все, что миряне могут ждать от второго священника, – начиная с установки дополнительного освещения в зале прихода, где любители устраивали свои театральные представления, и заканчивая уроками, на которых он объяснял любознательным детям, как появляются на свет котята.

«Может, укувыляла куда-то», – с бессердечным равнодушием подумал Стэнли, раскладывая по местам ризы, стихарь, манипулу, епитрахиль и большой молитвенник с золотым крестом на красном переплете. Он огляделся в поисках Ферриса, еще одного церковного служителя, но того нигде не было видно. Была у него такая особенность – исчезать куда-то, особенность довольно неприятная, но, с другой стороны, по нему можно было часы сверять: колокол начинал звонить ровно за пять минут до начала службы. И в это утро, как обычно, он взывал к истинно верующим, грозно упреждал отлынивающих, только вот Стэнли показалось, что на сей раз звон длился меньше обычного.

«Похоже, старина Феррис спит на ходу или еще что, – сказал он себе. – А викарий опять опаздывает. Ладно, пусть прочитают лишнюю молитву, пока ждут». Он погрузился

¹ Соборное послание святого апостола Иакова, 5:15.

в мечтательные раздумья о мирских делах, от которых его оторвал бой церковных часов. Впервые за все время его церковной службы он не совпал с окончанием звона колокола. Выходит, что-то случилось, что-то, заставившее Ферриса остановиться на минуту или две раньше. Ладно, неважно, решил он, и в этот самый момент в церковь ворвался, словно за ним гнались медведи, викарий. Минуту спустя оба уже степенно шагали по проходу, направляясь к расположенному в глубине приделу Святой Девы, где на алтаре горели две свечи, а над аналоем склонились две пожилые дамы.

Поправляя лежавший на престоле молитвенник, мистер Фейн шепнул на ухо Стэнли:

– В чем дело, почему звон оборвался так быстро? Это нехорошо со стороны Ферриса, очень нехорошо. Придется поговорить с этим малым. Из-за него могут подумать, что я опоздал. А это плохо. Очень плохо.

Произнося вступительные слова проповеди, он не переставал думать о Феррисе: чудной, неуклюжий малый, не умеющий даже толком поблагодарить прихожанок, дарящих ему на Рождество сигареты, но, как правило, на редкость исполнительный. Так что если бы вдруг объявили о наступлении Судного Дня, все в церкви можно было бы предъявить проверяющему ангелу без какой-либо предварительной проверки. Но довольным жизнью его не назовешь, нет, не назовешь. А такие вещи сразу бросаются в глаза, и люди, и без того настроенные против верующих, еще больше укрепляются в своих предрассудках.

Две пожилые дамы вторили проповеднику так громогласно – словно игроки в покер, поднимающие ставки, – что могло показаться, будто в приделе полно народа. Переноса требник с одной стороны алтаря – оттуда, где зачитываются апостольские послания, на другую, где звучат слова евангелистов, Стэнли с удивлением заметил, что прихожан стало на одного больше – и не за счет наполовину парализованной мисс Беньон, а за счет некоего мужчины, что уже само по себе являло совершенно необычную картину для столь раннего часа в рабочий день. Обхватив голову руками, он стоял на коленях, и если бы не эта необычная поза, вполне мог бы сойти за манекен, выставленный в витрине магазина.

«Наверное, ждет викария, чтобы прикоснуться к сутане», – решил Стэнли. В свои шестнадцать он, несмотря на тридцатилетнюю или даже более того разницу в возрасте, был более искушен и циничен, нежели тот, кому он прислуживал. Но когда пришло время обходить приход с сумкой для пожертвований, он с удивлением убедился, что незнакомец исчез. Наверное, незаметно удалился во время произнесения символа веры.

«Наверное, просто какой-то бездельник, – решил про себя Стэнли. – Или, может, прямоком отправился в пасторский дом». Но, как выяснилось, он ошибался. Незнакомец просто испарился. Впоследствии Стэнли пришлось немало поломать голову над тем, что в тот момент показалось ему не заслуживающим внимания эпизодом.

После общего причастия случилась вторая удивительная вещь – а можно сказать, и третья. Первой был рано оборвавшийся звон колокола; второй – появление в церкви незнакомого мужчины, а вот теперь, во время молитвы освящения, когда следом за звоном колокола мессы должен был немедленно последовать троекратный удар большого колокола самой церкви, – мертвая тишина.

– Устал парнишка, устал, – пробормотал мистер Фейн, выдержав паузу, достаточно продолжительную для того, чтобы обе пожилые дамы поняли, что он ожидает начала колокольного звона, и продолжили свой речитатив. Да, и еще надо придумать, как ускользнуть от них по окончании службы, иначе им захочется выяснить, что же все-таки случилось: любой приход видит в своем викарии ходячую энциклопедию, ну а сами пасторы, которым ничто человеческое не чуждо, поддерживают в них эту трогательную веру в себя.

– Заболел, наверное, наш Феррис, – вернувшись в ризницу и освобождаясь от своих одеяний, сказал мистер Фейн. – Так-то вот. Заболел. Бедняга. Отравился, знаешь ли, газами на войне.

– Да, я тоже это слышал, – подтвердил Стэнли.

– Потому-то и колокол замолчал до времени. Точно. Домой ушел, наверное. Миссис Феррис – славная женщина, – серьезно добавил он. – В церковь, правда, не ходит, но женщина славная и к Феррису хорошо относится. В воскресную школу сына посылает. Надеюсь, ничего серьезного, хотя кто знает. Может, приступ тошноты, это с ним бывает.

Стэнли слишком привык к разговорам викария с самим собой, чтобы обращать на них хоть какое-то внимание. К тому же у него совсем не было времени. Надо было как можно скорее уходить отсюда, пока его не попросили остаться и поработать звонарем перед очередной, восьмичасовой, службой. А ждать он не мог, знал, что другого служки к восьмичасовой не будет. В приходе, состоящем в основном из рабочего люда, их в такой час найти трудно. Большинство, едва успев проглотить завтрак, идут к половине девятого на работу. Выходя из церкви, Стэнли вспомнил про незнакомца и поспешно повертел головой, но того нигде не было видно – ни на крыльце, ни у входа в пасторский дом, ни на самой улице. Может, он и не хотел вовсе прикасаться к сутане викария, может, это один из тех парней, которые верят: если на минуту зайти в церковь, начинающийся важный день сложится удачно. Стэнли встречался с такими: направляясь на скачки, где от пары лошадей зависит, быть может, все их будущее, они по пути заскакивают в церковь, хотя спроси их зачем – не ответят. Это нечто вроде старинных поверий, заставлявших дикарей приносить жертвы духам ветра, воды и гор в надежде на их защиту. Стэнли знал, что множество подобных примет еще не изжило себя, знал на самом деле гораздо больше, чем викарий.

Мистер Фейн подождал еще немного, соблюдая приличия, а потом незаметно выскользнул из ризницы. Он надеялся, что если ему удастся, не привлекая к себе внимания, добраться до статуи Святой Этельберги и опуститься перед ней на колени, можно будет продержаться в таком положении до тех пор, пока обе пожилые дамы не уйдут из церкви. Но, как он и опасался, его опередила миссис Маллинз. Когда викарий подошел к изваянию святой покровительницы, она уже была там.

– Надеюсь, ничего серьезного... – едва увидев его, заговорила миссис Маллинз. – Я имею в виду колокол...

– Бедняге Феррису стало плохо. Обычный приступ тошноты, – раздраженно перебил ее викарий. Теперь он и сам уверовал в то, что ему говорили про этот недуг звонаря. – Неприятно, конечно, но ничего катастрофического... разве что, возможно, для миссис Феррис.

– Конечно, конечно, – выдохнула миссис Маллинз, явно довольная этим коротким личным разговором. – Как жаль, что она не ходит в церковь.

– Славная женщина, – пропыхтел мистер Фейн, – очень славная женщина. – Он подумал, что в брачной жизни есть свои положительные стороны. Будь у него жена, она могла бы решительно войти в церковь и заявить властным тоном: «Вот что, Артур, уже второй раз на этой неделе у нас замерзает пикша». Более того, будь у него жена, он сам обучил бы ее такому трюку. Это сильно облегчило бы жизнь. Но с другой стороны, подумал он, пришлось бы постоянно терпеть ее у себя дома, и, глядишь, она превратилась бы во вторую миссис Маллинз, так что, может, пусть лучше будет все как есть.

В тот самый момент, как он пришел к этому заключению, в церковь, как бык, врзавшийся в ворота, влетел его молодой помощник. Не заметить его появления было невозможно.

– О господи, – нахмурилась миссис Маллинз. – Нельзя так пугать людей.

Викарий мгновенно встал на защиту второго священника.

– Царство Божье испытывает насилие, и насильник покушается на него, – провозгласил он. – А, это вы, Бартон. – Наконец-то ему удалось отделаться от вдовы. – Феррис занедужил, у него случился очередной приступ тошноты. Весьма печально. Придется вам вызвать своего служку, чтобы было кому позвонить в колокол к началу проповеди.

– Нынче утром служки не будет, – жизнерадостно сообщил мистер Бартон. – Ну да ничего страшного, разок можно и без него обойтись. У всех есть часы, а неверующие будут только благодарны за то, что их не разбудили.

Миссис Маллинз решила, что пробил ее час.

– Быть может, я...

– Нет, нет, – вздрогнув, слабо выговорил викарий.

– Ну конечно же нет, – подтвердил Бартон. – Это не обсуждается. Невозможно физически. Представляете себе вес колокола? Неудивительно, что с Феррисом случился приступ. Вполне возможно, что в один прекрасный день его найдут цепляющимся за веревку с сердечным приступом. – Он стремительно прошел мимо викария и миссис Маллинз и направился в ризницу. Миссис Маллинз посмотрела ему вслед, а когда вновь повернулась к мистеру Фейну, он уже опустился на колени перед скамьей и благоговейно прикрыл глаза ладонью. Она глубоко вздохнула и вышла из церкви.

– Что-то ты сегодня поздно, малыш, – ласково и с некоторой тревогой сказала миссис Хоуп, когда ее сын ворвался в дом.

– У Ферриса опять приступ. Пришлось задержаться, чтобы все приготовить к восьмичасовой заутрене. Другого служки не нашлось.

– Меня это не удивляет, – заметила миссис Хоуп, походившая на миссис Феррис в том отношении, что тоже не чрезмерно обременяла церковь своими посещениями. – Все эти клоуны... Им и в голову не приходит, что мальчики работают, а не сидят дома в первой половине дня с книгой в руках, а во второй разъезжают на своих маленьких автомобильчиках, навещая пожилых леди. – Она со стуком поставила перед ним тарелку с яичницей и беконом. – Не ешь так быстро, кишки сожжешь.

– Опаздываю, – сообщил Стэнли, поспешно заглатывая яичницу. – Возможно, старый Потифар, если только я буду работать не хуже прежнего, поставит меня за прилавок, а это означает повышение. И знаешь, может, в один прекрасный день я стану хозяином этого магазина.

– Да что там магазина, – нежно проговорила мать, – бери выше.

– О чем это ты? – Стэнли даже поперхнулся от удивления.

– Целой сети магазинов. И меня это ничуть не удивит. А сейчас выпей еще чашку чая. Так что там, говоришь, стряслось с Феррисом?

– Очередной приступ тошноты. Его не оказалось на месте, когда надо было звонить в колокол.

– Один раз и сам мистер Фейн мог бы потрудиться.

– Викарий хороший человек. – Стэнли неожиданно посерьезнел. – Полночи проводит в больницах со страждущими и умирающими. А это, думаю, не очень большое удовольствие.

– Да ладно, – неопределенно отмахнулась миссис Хоуп. – За это он, отслужив свое в церкви, деньги получает. Все, готов? Смотри, поосторожнее там. Нечего валять дурака на Хай-стрит с этим малым из Бленкни. Мне совсем не хочется, чтобы тебя привезли домой на каталке, хотя для его матери это, возможно, было бы большим облегчением.

Стэнли нежно чмокнул ее в щеку и выскочил из дома. Вот так всегда, подумала миссис Хоуп, усаживаясь за стол, чтобы спокойно выпить чашку чая и полистать «Дейли миррор». Чудесно выглядит королева в этой новой шляпке. Миссис Хоуп склонила голову на сторону. А мне, интересно, такая пошла бы? Только вот волосы... Она осторожно подняла руку и нащупала на шее, сзади, утолщение размером с крохотный бильярдный шар. Ладно, не всем же выглядеть по-королевски, сказала она себе. Смотри-ка, а вот фотография того типа, что убил трех девочек прямо в кровати. Занятное у него лицо. Не хотелось бы оказаться с ним в темноте один на один. Странно. Кого-то он мне напоминает. Вот только кого?.. А, знаю.

Ферриса. Чудно́. Интересно, миссис Феррис видела этот снимок? И задумывалась ли над этим сходством? Станный он парень. Ну да, конечно, война. Война многое объясняет. Она дошла до колонки Дорри Дикс. «Я только что узнала, что мой отец – на самом деле не мой отец, хотя родилась я в законном браке. Следует ли сказать об этом моему будущему мужу?» Право, кое у кого мозги набекрень. Не надо быть замужем слишком долго, чтобы понять, что чем меньше говоришь мужу, тем лучше. Она перевернула страницу. Фотография котенка, прильнувшего к овце. Трогательно... Интересно, что он представляет собой на самом деле, этот Феррис? Иногда у него такой чудной вид, прямо безумный.

Часы пробили девять, и миссис Хоуп стремительно вскочила, отбросив в сторону газету, и стала быстро убирать со стола. В десять она обещала быть у миссис Уилсон, а сама, видите ли, любит котенка и овечкой. Что же касается Ферриса, она и думать о нем забыла.

Глава 2

Миссис Феррис с сыном Берти приехала на день к своим родственникам в Дейнтон. Два дня назад Феррис, раскладывая на столе серебро, заметил:

– Что-то ты выглядишь усталой, Мэй. Почему бы тебе не съездить с парнишкой к своим, скажем, завтра?

– Завтра никак, – покачала головой миссис Феррис. – Берти пригласили на чай к юному Джорджи. А вот послезавтра было бы здорово. Ты ведь справишься тут без меня, Вилли?

– Тебе это будет полезно, – сказал Феррис. – Разве можно находиться в городе в такую погоду?

– Мы поедем первым же поездом и проведем там целый день, – подхватила миссис Феррис. – Еду я тебе оставляю, так что, надеюсь, ты не против, если мы вернемся только под вечер?

– Не торопитесь, приезжайте последним поездом, – предложил муж.

У него было приятное подвижное лицо, с постоянно меняющимся выражением. Он производил впечатление человека, замечающего значительно больше других людей и не слишком довольного тем, что видит. Миссис Феррис давно научилась не задавать мужу лишних вопросов. В его прошлом многое оставалось для нее загадкой, и она не пыталась ее раскрыть. Была война, потом послевоенные годы, когда он мотался по всей стране в поисках хоть какого-то заработка, пока не убедился, что больше всего повезло тем, кто упокоился во Фландрии. Она всегда подозревала, что в прошлом у него какая-то трагедия, быть может – хотя вслух она это даже самой себе не говорила, – тюрьма. Рассказывая об этих годах, что случалось нечасто, Феррис всегда замыкался, и лицо его приобретало непроницаемое выражение. Жена любила его, но жить с ним было нелегко – все время испытываешь какое-то напряжение. И для нее стало истинным облегчением, когда после шести лет брака, после утраты родившейся мертвой девочки появился сын – Берти. Он стал смыслом ее жизни, и она была готова простить Вилли все что угодно за то лишь, что он подарил ей Берти.

Они встали на рассвете и приехали на вокзал к первому поезду, отходившему в семь тридцать.

– Время, смотрю, бережете, – подмигнул ей кондуктор, проверяя билеты.

– Выходные не каждый день бывают, – кивнула она, входя на серую платформу и жадно вглядываясь в пустынную даль, куда скоро отправится поезд.

Всю дорогу они с Берти болтали без умолку. На вокзале их встретила ее замужняя сестра Элси с тремя из своих пятерых детей. В сравнении с выросшими в деревне родственниками Берти казался малорослым, но был мускулист и в играх от них не отставал. Более того, он обладал хваткой сорванца-кокни, которой они были лишены.

– Как там Вилли? – осведомилась сестра, и на лицо Мэй сразу набежала легкая тень.

– Да все так же. То так, то сяк. Знаешь, Элси, я все время стараюсь понять, что это он там видит, когда уставится в пустоту. Аж мурашки по коже бегут.

– И ничего не говорит?

– Мне – нет. Да я и сама не знаю, хорошо это или плохо. Есть вещи, о которых лучше ничего не знать.

Какое-то время они молчали, вспоминая, каждая про себя, детские годы Мэй, долгие тихие дни на ферме, вечерний свет, падающий на поля, просторную комнату с лампами и свечами, затем ухаживания местного фермера и далее неожиданное заявление Мэй, что она выходит замуж за незнакомца, о котором никто ничего не слышал, и уезжает с ним в Лондон. Ее старались отговорить, но Мэй ничего не хотела слышать, будто завороченная. Так она и уехала с этим привлекательным внешне, но неуравновешенным молодым человеком, и

долгое время о ней ничего не было слышно. Лондон пугал Элси. Она и сама не хотела жить в большом городе, и для Мэй, по ее мнению, было лучше оставаться там, где она родилась. Она и сейчас сказала сестре, что Лондон – это лабиринт, или что-то в этом роде, но Мэй лишь покачала головой:

– Не стоит, Элси. Такая уж у меня судьба. А против судьбы не пойдешь. Вилли – мой, он с самого начала был моим. Я, правда, не всегда его понимаю, но это же естественно...

Она имела в виду, что он принадлежит к другому слою общества. С родственниками мужа Мэй никогда не встречалась, но знала, что он учился в частной школе и совсем молодым ушел на войну. В промежутке между заключением перемирия и тем годом – 1925-м, – когда они познакомились и шесть недель спустя поженились, произошло нечто, оторвавшее молодого человека от семьи. Ей он сказал, что родственников у него не осталось, во всяком случае тех, с которыми ему хотелось бы ее познакомить, а Мэй вопросов задавать не стала. Она всегда его немного побаивалась, даже когда была влюблена до безумия. Она и сейчас его любила, сохраняя ему какую-то покорную верность, но бояться стала еще больше.

– Работает там же? – спросила Элси.

– Ну да.

– Странное занятие для мужчины. Прибираться в церкви. Больше подходит женщине.

– Вилли такая работа устраивает. Наверное, оставляет время подумать, а для женщины это дело тяжелое. Церковь огромная, не то что здешняя часовенка. А чуть выдастся свободная минутка, выходит в церковный дворик и высаживает всякую растительность. С ума сходит по всему, что растет, и с годами все больше. Однажды я поймала его на том, что он лупит Берти почем зря, и только за то, что мальчику захотелось поиграть с каким-то его драгоценным бутонем и он его сорвал.

– И все же надо было бы тебе жить в деревне, – повторила Элси. – Тут можно кучу цветов нарвать, никто и не заметит.

Мэй любила своего мужа, но в этот день в деревне на нее нахлынули воспоминания, и сладкие, и горькие, и ей захотелось провести здесь не день, а хотя бы неделю. Один-то день Вилли, наверное, продержится, а больше? Вот если бы у него была сестра или кто-то еще, кто пришел бы, чтобы заняться домом. Только, наверное, она решила бы, что уж слишком просто они живут – три комнаты в подвальном помещении, – хотя содержала она их в такой чистоте, что с пола есть можно.

Мэй с сыном успели на последний поезд и вернулись домой около половины десятого. К ее удивлению, в квартире было темно. На Вилли это было не похоже, жизнь он предпочитал уединенную и, как правило, вечера проводил дома. В кино они ходили редко, во-первых, потому, что Мэй не хотелось оставлять Берти одного, а во-вторых, в фильмах обычно бывало что-то про войну, и она ненавидела тот момент, когда в зале постепенно загорался свет и она видела лицо Вилли – зеленовато-бледное, с загнанным взглядом. Она никак не могла понять, почему в кинотеатрах так редко показывают что-нибудь повеселее, например фильмы с участием Сиселии Кортнидж и этого ее мужа-комика. Правда, братьев Маркс² она ненавидела – с тех самых пор, как увидела глаза Вилли после просмотра одного их фильма, где они прикидываются сумасшедшими. Он вскочил и бросился из зала мимо нее, словно ее и не было.

Мэй подумала, что сегодня какой-то церковный праздник, и вечерняя служба начинается не в шесть, как обычно, а в восемь пятнадцать. В такие дни по церкви проходила целая процессия, зажигали огни, звучали песнопения и читалась проповедь, но что все это означало, она не имела ни малейшего понятия, знала лишь, что действо могло продолжаться до

² Популярный комический квинтет из США. Братьев Маркс ставили в один ряд с такими комиками, как Чарли Чаплин и Бастер Китон.

половины десятого, и Вилли должен был ждать до самого конца, пока последняя богомольная престарелая дама не поднимется с трудом с колен и не заковыляет к себе домой. Только тогда он мог запереть церковь и вернуться к жене.

Жили они совсем рядом с церковью, и вот сейчас, после двенадцати лет совместной жизни, в ней вдруг ожила былая, впрочем, и до сих пор не прошедшая влюбленность, и она подумала, что можно дойти до церкви, а потом вернуться домой вместе. Внутри церкви она никогда не заходила, вот и сейчас подождет на углу: она и в тысячной толпе узнает его по походке, по стати.

Дойдя до угла, Мэй обнаружила, что церковь погружена во тьму, не видно ни единого проблеска света. Она осторожно подкралась к двери – та подалась при малейшем прикосновении. Устройство церковного помещения было ей совершенно незнакомо, и Мэй вздрогнула, почувствовав, что ладонь ее погрузилась в воду.

«Вот уж не думала, что люди здесь умываются», – подумала она, стряхивая с пальцев капли.

Мэй почти сразу же нащупала выключатель и повернула его. Над купелью вспыхнула полоска света. Церковь выглядела достаточно угрюмо. Казалось, в тусклом свете разместилась целая армия призраков. В восточном углу было совершенно темно, в остальных частях помещения царил полумрак. В принципе кто-нибудь мог молиться в том дальнем углу, но ведь нужно же хоть какое-то освещение. Нет-нет, наверняка все уже разошлись по домам. Ее взгляд упал на расписание богослужений, вывешенное в дубовой рамке рядом с выключателем, и Мэй подошла поближе. Нет, она ошиблась в своих предположениях, никаких изменений в расписании не было, сегодня служба прошла, как и обычно, в шесть. Тем более странно, что церковь не заперта. Вилли всегда так пунктуален.

Мэй начала пробираться к выходу – ни за какие коврижки не согласилась бы провести здесь ночь. В окнах и небольшой табачной лавке на углу мелькнул свет, и настроение у нее поднялось. Она поспешно шагнула к двери. Да, но куда все же запропастился Вилли? Наверное, заглянул в «Синицу в руках», чтобы поболтать с кем-нибудь. Сейчас примерно без четверти десять, не больше, так что до закрытия еще пятнадцать минут. Она заскочит домой посмотреть, как там Берти, а потом не торопясь дойдет до бара. Внутри, конечно, заходить не будет. В нынешние времена многие женщины, не смущаясь, говорят, что в барах уютно и замужним там появляться совсем не зазорно, но Мэй придерживалась правил, которым следовали в ее детские годы. Как-то отец выпорол Элси, хотя ей было уже шестнадцать, только за то, что она пошла в бар с одним из местных парней. Суровый был человек, Вилли иногда напоминал ей его. Нет, она просто походит по улице, ожидая появления мужа. Если с ним будут друзья, она просто растворится в темноте, но если, как скорее всего и будет, он окажется один, она возьмет его под руку, и они пойдут домой. День, проведенный в деревне, пробудил в ней нежность к мужу. Удивительно, как сельские виды и воздух исцеляют человеческое сердце, избавляя его от горечи и страхов. Может, все дело в том, что ощущаешь себя в самом центре жизни, созданной природой, а не среди рычащих машин, придуманных человеком. Ладно, как бы то ни было, сейчас ей хорошо. Она вернулась к себе в подвал и заглянула в детскую – Берти спал, как младенец. Мэй снова вышла на улицу и поежилась на холодном вечернем воздухе. Часы в соседней квартире пробили десять. Вилли вот-вот появится.

Перед «Синицей в руках» толпилась небольшая группа людей. Правда, ей показалось, что все вроде были трезвыми. Бояться нечего. А то ведь есть такие места – не бар, а настоящее свинство, например «Красный маркиз». После закрытия пьяницы вопят под окнами полчаса, а то и больше. Но сейчас все разошлись степенно, каждый двинулся своей дорогой. Несколько человек направлялись в ее сторону, но Вилли среди них не было. Они поравнялись с ней, и Мэй сделала вид, что чем-то занята, но в этом не было нужды – никто не обра-

тил на нее ни малейшего внимания. Когда мужчины прошли мимо, ей захотелось броситься следом и спросить, не видел ли кто Вилли, но зашевелившийся внутри холодный страх приковал ее к месту. Если его не было в «Синице», то где же он, что случилось? Есть, конечно, и другие бары, но туда он почти не заходит.

«Что это со мной? Словно пуганая ворона, куста забоялась, – одернула она себя. – Скорее всего, Вилли уже вернулся и вряд ли обрадовался, не застав меня дома».

Мэй заторопилась. Страх сковывал ее тело, казалось, она делает огромные шаги, а дорога все никак не кончается, темная и непроницаемая. Тревогу за мужа усиливала тревога за ребенка. Что ни день, в газетах печатают разные жуткие истории. Не стоило ей уходить и оставлять малыша одного. Она добралась до дому вся в поту, хотя вечер был холодный, и сбежала по ступенькам, сжимая в ладони ключ. Света нигде не видно. Берти по-прежнему спал, и, если не считать его, квартира была совершенно пустой.

Снова выходить на улицу Мэй не стала. Куда идти, она не знала и решила, что лучше всего дожждаться Вилли дома. Большая стрелка на кухонных часах обежала круг с десяти до одиннадцати, потом с одиннадцати до двенадцати, а Вилли все не появлялся. Она подумала, не обратиться ли в полицию, но ее остановил страх перед гневом мужа, когда тот вернется и узнает обо всем. За все время совместной жизни Мэй видела его в ярости лишь раз, максимум два, но при этом, по ее собственным словам, у нее возникало такое чувство, что она готова была умереть на месте. Она сидела совершенно неподвижно, словно каменная баба, прислушиваясь к доносящимся из-за окна шагам случайных прохожих. Шторы она не задернула, и время от времени в комнате, где она сидела, вспыхивал свет, а один раз чьи-то шаги замерли у ворот, и сердце у нее забилося, как у юной девушки в свадебную ночь, когда она слышит, как ладонь мужа ложится на ручку двери. Но потом шаги возобновились. Просто кто-то остановился закурить сигарету. Мэй вернулась к своей вахте. Загорочался в кровати Берти, она подошла к нему и поправила одеяло, сказала: «Тихо, тихо, не шуми, папу разбудишь», и увидела, как он свернулся калачиком. Потом вернулась к себе и снова принялась ждать. Все тело у нее болело от страха. На память приходили разные случаи из их совместной жизни. Неужели, подумалось ей, у него вдруг иссякли последние надежды и силы и он решил положить всему конец. Она любила мужа, но знала, что счастливым человеком его назвать было нельзя. Даже Берти не занимал такого уж большого места в его жизни, он жил в своем мире и лишь время от времени открывал дверь и выходил к ней. И что происходит в этом замкнутом мире, она понятия не имела.

Звезды потухли, и небо посветлело в ожидании зари. Мэй всю ночь держала дверь незапертой и теперь стояла, глядя на странное, мертвенно-бледное небо. Уже проснулись воробьи, серая кошка скользнула, словно покрытый мехом угорь, вдоль забора и исчезла в подвальном помещении; из молочной на углу донесся отдаленный стук бидонов. Проехал фургон; Мэй разглядела на борту название одного из крупных магазинов на Ковент-гарден, что открывается еще до рассвета.

«Если утром не получу хоть какого-нибудь известия, пойду в полицию, – решила она. – Все, больше ждать не могу. Я должна знать, что случилось».

Мэй закрыла дверь, пошла на кухню, вскипятила воду и заварила чай. Хороший черный чай с несколькими ложками сахара согрел ее, и, осторожно передвигаясь по кухне, она принялась чистить камин. Если он вдруг вернется, будет рад пылающему огню и ожидающему его чаю. Открыв дверцу буфета, Мэй обнаружила, что Вилли даже не прикоснулся к еде, которую она ему оставила. Выходит, дома его не было весь день.

– Ну вот, – печально прошептала она, не двигаясь с места и сжимая в руках миску с тушеным мясом и запеканкой из риса. – Я ведь всегда знала, что в конце концов что-нибудь его достанет, что-то такое, с чем я ничего не могу поделать, и вот до этого дошло, и я даже не знаю, в чем дело.

Это поразительно. С этим невозможно примириться. Вот она – единая плоть со своим мужем, а где он – одним небесам известно, и она бессильна что-нибудь сделать.

«Дождусь утренней почты и пойду в полицию, – решила она. – А там – будь что будет».

Она немного поспала, положив руки на кухонный стол, бормоча что-то сквозь сон, сдавленно постанывая, и эти звуки донеслись до детской и разбудили ребенка, и он окликнул ее. Она стряхнула с себя дрему и пошла баюкать Берти.

– Ты не ложились, – с упреком сказал он.

– Да нет, просто встала разжечь камин. Папе надо было уйти, и он обрадуется, увидев огонь, когда вернется. А ты спи, иначе не отдохнешь как следует и не сможешь рассказать ему, как провел день на ферме.

Мэй немного посидела у кровати сына, баюкая его. Вскоре, вполне удовлетворившись полученным объяснением, он снова заснул, а она переоделась, ополоснула лицо и посмотрела в зеркало на свои бледные щеки и темные круги под глазами. Небольшая радость возвращаться к такой женщине, подумала она.

В полицию ей, в конечном итоге, идти не пришлось. Полиция сама к ней пришла. Стучилось это еще до появления почтальона и до церковного звона, хотя часы показывали семь двадцать и колокол должен был прозвонить почти полчаса назад. Полицейским оказался молодой флегматичный констебль, только что назначенный в местный участок.

– Миссис Феррис? – деревянным голосом осведомился он. – Нам хотелось бы с вами поговорить. Произошел несчастный случай.

– С мужем? – Она побледнела как мел.

– Боюсь, что так. Вы можете пройти со мной?

– Позвольте сначала подняться на первый этаж и поговорить с соседкой. У меня тут маленький сын.

Миссис Беннет уже знала, что в квартиру внизу пришла полиция, и была возбуждена и преисполнена надежд. Она всегда считала, что в любой момент может произойти что-нибудь смешное или необычное. Именно это она и сказала мужу, когда Мэй постучала в дверь и попросила присмотреть за Берти.

– Конечно, конечно, миссис Феррис, не беспокойтесь, я побуду с малышом, – со своей обычной бойкостью проговорила она. – Несчастный случай? Печально. Ступайте, ступайте. И, повторяю, о Берти можете не беспокоиться.

Мэй дрожащими пальцами натянула шляпку, объяснила проснувшемуся Берти, что с папой что-то стряслось и она должна сходить за ним и привести его домой, и в сопровождении полицейского направилась к двери.

– Так что же все-таки случилось? – спросила она как можно спокойнее и подумала: «Скорее всего утонул в реке».

– Даже не знаю, как сказать. Похоже на несчастный случай. Его нашли в ризнице, – ответил констебль.

Мэй с трудом удалось не вскрикнуть. В ризнице. Выходит, когда она вечером зашла в церковь, он был там, в двух шагах от нее. А она ушла и оставила его одного в темноте.

– Он... он сильно пострадал? – услышала она собственный голос.

– Там доктор, – неловко проговорил констебль.

– Иными словами, его нет в живых?

Констебль пробормотал что-то нечленораздельное, но Мэй поняла. Ей стало немного легче. Ужасно, конечно, и будет еще хуже, когда она осознает, чем для нее чревато это несчастье. Но, по крайней мере, он не сам это над собой сотворил. Сердце. Тут ей пришла в голову еще одна устрашающая мысль. А что, если это не несчастный случай? В конце концов, прочная толстая веревка – хорошее орудие, чтобы покончить счеты с жизнью.

– Как его нашли? – спросила она.

– Пошли звонить к заутрене, ну и увидели его, обвязанного веревками с ног до головы. – Полицейский с трудом выговаривал слова, словно в любой момент мог поперхнуться. У Мэй замерло сердце. Выходит, это все же его собственных рук дело. При всей их с Берти любви к Вилли ее оказалось недостаточно, чтобы уберечь мужа и отца от преследующих его демонов. Она промолчала. Лишь, продолжая идти, немного ссутулилась.

Доктор ждал их у входа в церковь. Бросая вызов верующим, он категорически отказывался впустить кого-либо в церковь. «Ничего, – заявил он, – один раз дома помолятся». Исключение было сделано только для священнослужителя, человека незнакомого, приехавшего отслужить молебен по случаю церковного праздника и попросившего в виде одолжения позволить ему подняться на кафедру для семичасовой службы. Это был худощавый, дрожащий то ли от страха, то ли от холода мужчина в долгополой потрепанной сутане, которая была трижды обмотана веревкой вокруг его пояса.

– Вы его жена? – резко бросил доктор.

Мэй кивнула.

– Где он, сэр?

– В ризнице. Вам придется опознать его. Как думаете, сможете?

– Да, сэр. – Голос ее звучал совершенно ровно. Следом за доктором она направилась в ризницу, как ее здесь называли, церковнослужителя.

– Отдельная ризница – это так необычно, – услышала она голос священника. – Как правило, колокольная веревка висит рядом с купелью, и в таком случае о произошедшем стало бы известно тут же.

Мэй с болью посмотрела на доктора:

– Когда это случилось?

– Насколько я могу судить, двадцать четыре часа назад, или около того. Приблизительно, конечно.

Она ступила внутрь и склонилась над распростертой фигурой. Кто-то из почтения к усопшему прикрыл ему лицо носовым платком.

– Боюсь, – сказал доктор, – это будет трудно выдержать. Вам приходилось когда-нибудь сталкиваться с насильственной смертью?

– С насильственной?.. Но мне ничего не сказали...

– Это убийство, – негромко произнес доктор. – Мы обнаружили нож...

Мэй почувствовала на своем запястье его мускулистую руку. Приезжий священник зашел вместе с ними в ризницу и теперь неловко переминался с ноги на ногу у двери. Доктор приподнял носовой платок, она заставила себя посмотреть на усопшего и мгновенно отвернулась, на грани истерики вцепившись в руку доктора.

– Это не Вилли, – выдохнула она. – Это не мой муж. Я никогда в жизни не видела этого мужчины.

Глава 3

I

Стэнли Хоуп в сдвинутой на затылок кепке, засунув руки в карманы, явился домой ровно на час позже обычного. Мать сразу же оторвалась от шитья.

– Где тебя носило, Стэн? Я тут чуть с ума не сошла от страха.

– От страха за меня?

Такая уверенность в себе была для нее внове.

– Да брось ты, мам. Я ведь не ребенок.

– Ты все, что у меня есть, и когда знаешь, что по улицам болтается какой-то тип и всаживает нож людям в спины, поневоле задумаешься.

– Между прочим, – уже более привычным голосом откликнулся Стэнли, – если хочешь знать, именно поэтому я и задержался.

– Как это?

– Полиция, – загадочно вымолвил Стэнли.

– То есть... Только не говори мне, что тебя забрали в участок.

– Меня? Что это тебе в голову пришло?

Миссис Хилл, соседка, зашедшая выпить чашку чая и вызвавшаяся остаться до возвращения Стэнли, подняла голову и с явным неодобрением посмотрела на него.

– Я знаю, что мне пришло в голову. Мне пришло в голову, молодой человек, что твоя задница соскучилась по домашним туфлям.

– Домашние туфли должны быть там, где им и положено, – на ногах, – огрызнулся Стэнли. – Нет, мам, честно, у меня никогда еще такого дня не было. Бедняга Потифар места себе не находит: полиция шныряет туда-сюда, выспрашивает. Все им надо знать. Видел ли я вчера Ферриса? Когда я пришел в церковь? Когда он обычно приходит? Не заметил ли я чего-то необычного? Ну, я сказал, что да, одна странность была: какой-то малый ушел, не дождавшись конца службы.

– Что за малый?

– Не знаю. Никогда его раньше не видел. Да и сейчас едва обратил внимание. Ничего удивительного, если подумать.

– Подумать о чем?

– О том, кто бы это мог быть. Что ему понадобилось вчера в церкви? Служба его явно не интересовала. Это показалось странным, ну вот и я сказал полицейским: как это так, неизвестный впервые появляется в церкви и в тот же день в ризнице находят покойника, которого тоже никто не знает?

– Смотрю, ваша церковь завоевывает популярность, – ледяным тоном вымолвила миссис Хилл. – Двое неизвестных в одно утро.

– Вот и я об этом. Наверняка они как-то связаны.

– Кто это сказал? Полиция?

– Пока нет. Пока это только мое предположение.

– Надеюсь, ты поделился им с полицией, – саркастически бросила миссис Хилл. – Нельзя же лишать их такого ценного свидетельства.

Миссис Хоуп пропустила сарказм мимо ушей.

– Ты что же, Стэн, хочешь сказать, что этот тип совершил убийство, а потом перестал молиться?

– Не знаю, может, он решил немного задержаться в церкви на тот случай, если столкнется с кем-нибудь у входа. А выйти посреди службы – это совсем другое дело.

– Но чем ему, ради всего святого, помешал Феррис, зачем ему понадобилось его убивать?

– Не знаю. – Стэнли неожиданно сник, пронзительный взгляд миссис Хилл явно раздражал его.

В тот вечер все газеты вышли с шапками на первой полосе:

ЗАГАДКА СМЕРТИ В ЦЕРКВИ

Показания мальчика-хориста.

Стэнли онемел от ярости.

– Мальчик-хорист! – выдохнул он. – Мальчик-хорист. То есть я. Да я, если хотите знать, в суд могу подать на газету. Будь у меня деньги, я бы адвоката нанял.

– Да не принимай ты это близко к сердцу, Стэн, – утешала его мать. – Ты ведь кто – служка, верно? А это то же самое.

– Это тебе так кажется, – надулся ее строптивый сын. – То же самое? Неужели эти газетчики совсем не думают о чьей-либо репутации?

В тот вечер Стэнли, выйдя из дома, сразу оказался под градом насмешек.

– А, это вы, мистер Хоуп? Не замолвите ли за меня словечко? У меня хороший голос. Бывало, регулярно зарабатывал шиллинг в неделю, отгоняя кошек.

– Слушай, Стэнли, не покажешь ли нам свою медаль за участие в хоре? – крикнул юный Блэки.

Стэнли метким ударом поставил ему синяк под глазом, таким образом частично расчитавшись за обиду, нанесенную ему журналистами.

– Есть еще желающие?

Желающих не нашлось, наоборот, все начали поносить своего поверженного брата:

– Слушай, Перси, старина, а почему бы тебе не вступить в хор? Там тебя, может, научили бы давать сдачи.

– Имей совесть. В церковь ходят всего пять или шесть старых дам. И мне совершенно не хочется развозить их по домам.

Блэки поднялся на ноги, и, отойдя на безопасное расстояние, угрюмо произнес:

– Наверное, эту историю сейчас гонят по Би-би-си. Мальчик из церковного хора на Эрлс-Корт – это сила.

– Эрлс-Корт – ерунда. Другое дело – церковный хор в Вест-энде.

Забавляясь подобным образом, они совершенно забыли о покойнике. Забыли они и о миссис Феррис, как и о том, что вся эта история случилась едва ли не на пороге ее дома.

Внезапно дверь распахнулась, и они увидели ее стоящей на ступеньках, с изможденным лицом, прижимающей ладонь к сердцу.

– Неужели надо поднимать шум именно здесь? – устало спросила она. – Берти не может заснуть, а ведь мне и без того нелегко.

Они смущенно забормотали что-то и разошлись. В тот момент Мэй, конечно, не догадывалась, насколько благодарна будет Стэнли со временем.

II

Быть может, это и неправда, что среди английских парламентариев был некогда человек, отца которого звали Галахедом, но многие считали, что у мистера Крука второе имя, по отцу, должно было бы быть Паркер. Правда, самого мистера Крука подобного рода пренебрежение нисколько не смущало. Когда из публикации в газете, на которую он подписывался, ему стало известно, что полиция откладывает начало расследования на двадцать четыре часа, дабы, по возможности, установить личность убитого, а также местонахождение исчезнувшего звонаря, он без малейших колебаний постучал в дверь цокольного этажа дома номер 19 по Филсон-стрит, выбрав для визита этот ранний час в надежде, что на улице будет немного народа. Выходит, прикинул он, полиция пока еще ничего не установила. В нескольких газетах были напечатаны фотографии жертвы – мужчины среднего роста, тщедушного, чтобы не сказать хлипкого, телосложения, судя по полицейскому отчету, бедно одетого (за вычетом хороших туфель), неустановленной профессии – словом, одного из тех бездельников, что всегда болтаются на улицах больших городов, не имея друзей, работы и денег, если не считать двух полукрон, завалявшихся в кармане потрепанного пальто. В общем, если бы не странная смерть, никто бы не обратил на этого человека особого внимания. Люди привыкли к виду нищеты, и проще всего было сказать, что этот малый сам во всем виноват: может, на выпивку налегал, а может, отсидел в свое время и до конца за это расплачивался, но, так или иначе, этот человек уже ни на что не был способен, и что толку изводить себя, слезами горю не поможешь. По-настоящему его история началась с его смертью. Обнаружить в церкви мертвеца, из спины которого торчал нож с ручкой в роговой оправе, какие часто пускают в ход в определенных слоях общества, – в этом, несомненно, было что-то из ряда вон выходящее.

«Ничто так не соответствует его жизни, как ее конец», – подумал мистер Крук, всегда испытывавший презрение к любителям клише, и бодро постучал в дверь.

Никто, однако же, на стук не отозвался, и мистер Крук, привыкший во всем полагаться на самого себя и потому выработавший шестое чувство, которое можно было сравнить с глазами на затылке, уловил, что его исподтишка (и скорее всего без всякого удовольствия) разглядывают из-за прикрывающих окно плотных кружевных занавесок. Наверняка это была миссис Феррис. Увиденное ни в чем ее не убедило, поэтому повторный стук также остался без ответа. Крук обернулся и встретился с ней взглядом. Она яростно замотала головой. Крук терпеливо постучал в третий раз. Миссис Феррис резко задернула занавески, и в коридоре послышался звук шагов. Мгновение спустя дверь приоткрылась – на самую малость.

– Чуть шире, – попросил мистер Крук. – Я пришел сюда не скелеты в шкафу искать.

– Внутрь вы не войдете, – решительно заявила миссис Феррис.

– Почему?

– Потому что я уже устала от таких, как вы. Всю округу заплотонили. Вот что, мне нечего вам сказать, а даже если бы и было, не сказала бы. Все, что мне известно, я уже сообщила полиции.

– Послушайте, – удивился мистер Крук, – вы что ж, приняли за репортера меня?

– Как саранча налетели. На любой вкус и цвет.

– Да нет же, – заверил ее мистер Крук, – я не из них. Просто мне хочется помочь вам.

– Все так говорят.

– Одно дело – говорить, другое – делать.

– И что же вы намерены сделать?

– Завтра будет дознание.

– И что?

– Я подумал, что вашему мужу может понадобиться представитель – в юридическом смысле, я хочу сказать.

– Как это?

– Знаете, гораздо проще было бы продолжить наш разговор в доме. Мы привлекаем слишком много внимания, а, насколько я понимаю, вы и так от него устали.

Мэй выглянула на улицу. Там оказались двое – любопытная кумушка миссис Хилл и мисс Пекман. Они делали вид, что поглощены каким-то разговором, но на самом деле – ушки на макушке – прислушивались к тому, что происходит рядом с ними.

Мэй открыла дверь.

– Ладно, входите, – устало согласилась она. – Полиция и так мне всю душу наизнанку вывернула, так что хуже не будет.

Она провела его по коридору в комнату, обставленную по стандартам нижнего слоя среднего класса, – весьма удобную, на взгляд мистера Крука, комнату. Правда, стоит иметь в виду, что он находил удобными и салуны с их обитыми красным плюшем скамейками, крикливо раскрашенными рекламными картинками в рамках и папоротником в желтых и зеленых фарфоровых горшках. В комнате были расставлены старомодные стулья с вышитыми тамбурным швом салфетками на спинках, фотографии в рамках – на всех были изображены родичи Мэй, и ни одна, кроме фотографии ребенка, явно не имела никакого отношения к Феррису. Эта старинная утварь, пыль с которой надо было стирать, наверное, полдня, скорее всего перешла сюда из прежнего дома Мэй. Обстановку дополняли гладко отполированный стол, накрытый вязаной скатертью и окруженный обитыми плюшем стульями, несколько игрушек – это явно было достояние Берти, – вентилятор, покрытый раскрашенной бумагой, на блестящей каминной решетке, темно-красные гардины поверх кружевных занавесок, задерживающиеся с наступлением сумерек. Эта комната вполне отражала характер своей хозяйки: женщина, ее обустроившая, обладала твердыми устоями, которые не могли сломить даже трагические обстоятельства.

– Итак, – начал мистер Крук, – если ваш муж не объявится до завтра... Кстати, как вы думаете, он объявится?

Мэй покачала головой, на ее осунувшемся лице проступил слабый румянец.

– Понятия не имею, где он может быть.

– Но ведь вы понимаете, к какому выводу скорее всего придет жюри?

– Если кто-нибудь решит, – мгновенно вспыхнула она, – что это дело рук Вилли, то это ложь. Он – последний, кто был бы на такое способен. Слушайте, он же ненавидел любое насилие. Мышь бы пальцем не тронул.

– Есть много людей, которые не тронут мыши, но убивают людей. Кто это был?

– Вы про убитого? – Мэй посмотрела на мистера Крука. – Представления не имею. Никогда раньше его не видела.

– А муж видел?

– Не знаю. Сюда его он, во всяком случае, не приводил. Впрочем, он никого не приводил.

– Выходит, друзей у него было не много?

– Я лично ни о ком от него не слышала. Он словно боялся заводить друзей.

– А почему, как вы думаете?

– Это как-то связано с давними событиями, во всяком случае, так мне всегда казалось. Но сам он никогда не заводил разговора на эту тему.

– А вопросов вы не задавали?

– Толку не было. Если люди хотят говорить, они говорят, а если нет, какой смысл давить на них? Кстати, что вам здесь нужно? Что-то больно вы похожи на тех других, что из газет.

Получал ли он письма? Куда уходил вечерами? Один вопрос за другим, как будто у меня есть на них готовые ответы.

– Они просто зарабатывают себе на жизнь, как и все мы, – примирительно, что было для него довольно необычно, заметил мистер Крук. – Не забывайте об этом, когда думаете о них.

– А я о них и не думаю. Я вообще ни о ком не думаю, кроме Вилли.

– Вот из-за него-то я и здесь. Надо, чтобы у Вилли в суде был представитель, иначе дело может обернуться худо.

– Ну, и чем вы ему поможетете?

– Знаете, там разное могут про него говорить. Например, почему он так и не появился?

– Это его дело.

– Не совсем. О том другом парне тоже надо подумать.

– Жаль, что о нем раньше никто не подумал. Совершенно истощенный на вид, если хотите знать мое мнение.

– Есть какие-нибудь мысли, где Вилли мог с ним познакомиться?

– Я не знаю, были ли они вообще знакомы.

– Как он попал в церковь?

– Полагаю, пришел на своих двоих, как и все остальные.

– А как на нем оказалась ряса? Это ряса Вилли?

– В церкви говорят, что нет. Да не знаю я, не знаю. Может, он и взял ее у Вилли...

– Хорошо, так где же Вилли?

– А то я день и ночь не задаю себе этого вопроса! Да и всем хочется это знать. Может, у него есть приятельница? Может, он в реке утопился? Мне-то откуда знать? Впрочем, приятельницы у него нет. В этом я готова поклясться.

– А... насчет реки?

– Не знаю. – Ее глаза на белом лице сделались огромными.

– Скажите мне одну вещь, – продолжал мистер Крук. – Вы не замечали в последнее время чего-нибудь необычного в его поведении?

– А он вообще человек необычный. Не в том смысле, что то веселится, то в следующую минуту делается мрачен, но, случалось, впадал в такое состояние, что лучше всего было оставить его одного.

– Когда вы видели его в последний раз, он был в таком состоянии?

– Понимаете, Вилли иногда целыми днями бывал в отключке, а потом все проходило, и он снова становился самим собой. Таким тихим, знаете, но... не в том смысле, что собственной тени боялся.

– А чего он боялся на самом деле?

– Не знаю. И никогда не знала. Было что-то такое, о чем он вслух не говорил.

– Что-то или кто-то?

– Не знаю, не могу сказать. Он никогда не заговаривал на эту тему. Просто замыкался в себе.

Крук задумчиво кивнул.

– Когда все же вы видели его в последний раз?

– В то утро. Он, как обычно, встал в шесть и поставил на плитку чайник. Он был хорошим мужем: всегда кипятил мне чай перед тем, как выйти из дома. Он приходил в церковь к половине седьмого, потому что некоторые из старых прихожанок любили помолиться одни, еще до начала службы, – это было для них не то же самое, что домашняя молитва. Потом он убирался в церкви и, если не было никого другого, сам прислуживал священнику. Без пяти семь он начинал звонить в колокол и звонил до семи.

– А в то утро?..

– Мы с Берти уезжали на день к моим родным, так что я встала рано и, по правде говоря, не присушивалась к колоколу. Вроде бы звонил...

– Звонил. Собственно, он и разбудил меня. Но звонил не пять минут, а две, из чего полиция, наверное, может сделать вывод, что убийство произошло без трех минут семь. Но, в таком случае, почему труп не обнаружили раньше?

– Наверное, в ризницу никто не заглядывал.

– Смотрю, наши господа клирики не слишком прилежно занимаются своим делом. А почему вы не обратились в полицию, когда муж не вернулся домой в тот вечер?

– Потому что у него могли быть свои причины задерживаться, и вряд ли он был бы в восторге, если бы, вернувшись, нашел дома кучу народа.

– У вас есть хоть какое-то представление, где он может быть?

– Ни малейшего. Но он всегда был неразговорчив; мне кажется, он говорил мне далеко не все.

– А перед тем как уйти в то утро, он что-нибудь сказал вам?

– Только пожелал хорошо провести день.

– Что, пребывал в очередной отключке?

– Вот именно. Выглядел так... так, будто старается вспомнить что-то.

– Например?

– Ну, не знаю, мне в таких случаях казалось, что, может, войну.

– Но ведь война давно закончилась.

– Иногда мне кажется, что есть люди, для которых она не закончится никогда. Для него-то она точно не закончилась.

– Как это?

– В отличие от большинства, война была для него не чем-то таким, что было и прошло. Нет, она вроде как продолжалась и продолжалась внутри него. – Она безнадежно махнула рукой, показывая, что не в состоянии выразить свою мысль словами.

– А в такие моменты он не вел себя как-то по-особенному? Не набрасывался на вас... или ребенка... или соседей?

– Нет, нет, ничего подобного. Я никогда не видела, чтобы он поднял на кого-нибудь руку. Но терпеть не мог разговоров о войне. Если к нам заходил кто-нибудь из соседей и заговаривал об Испании или Японии, он поднимал глаза и говорил: «Ну, какой во всем этом смысл? Если бы вы видели войну вблизи, как я, так легко бы не рассуждали». То же самое касалось убийств или любого проявления жестокости. Вы же знаете, как это бывает. Людям интересны убийства, даже вполне заурядные. Это вроде как возбуждает, все начинают гадать, кто это мог сделать и что будет, когда убийцу схватят. Но Вилли не из таких. Вот, например, за несколько дней до его исчезновения у нас была миссис Бартон и все толковала про ювелира, убитого в Кэмден-тауне. Это было еще до ареста молодого Филлипса, и миссис Бартон все трещала без умолку, как это ему удалось провести полицию, и почему бы ему не оказаться вашим соседом в трамвае, а вы и знать ничего не знаете, и как это ужасно, а Вилли вдруг повернулся к ней и сказал: «Ужасно? Ужасно для вас? А для него? Вы об этом когда-нибудь думали? Против него вся полиция, против него любой добропорядочный гражданин, он ни с кем не смеет заговорить, видит на каждом углу свою фотографию и не уверен, окажется ли когда-нибудь в безопасности». Для Вилли это была целая речь. Миссис Бартон она не понравилась, совсем не понравилась. Ее муж держит булочную в конце нашей улицы. Приятная семья, у них маленькая машина, на воскресенье всегда куда-нибудь уезжают. «У тех, кто убивает, не может быть друзей», – отрезала она, и при этих словах Вилли вскочил и вышел из дома, как будто не мог больше все это выдерживать. В «Синицу» отправился, ну, вы наверняка знаете, где это.

– Знаю, – сдержанно кивнул Крук. – Пиво там наливают неплохое. Не высший класс, но и не бурда, как в половине нынешних баров. Он часто туда ходит?

– Да нет, время от времени, пропустить пинту-другую. По части выпивки Вилли никогда не перебирает. Да и позволить себе не может.

– В церкви ему немного платят, верно?

– Три фунта. Два десяти отдает мне, себе совсем немного оставляет. Да еще пять шиллингов в неделю регулярно откладывает.

– Экономно живет, – бесстрастно отметил мистер Крук.

– Мне кажется, он о Берти думает. – Мэй сцепила пальцы. – Похоже, ему пришлось когда-то пережить тяжелые времена. Так или иначе, он всегда говорит, что неизвестно, сколько удастся продержаться на работе, а задаром никого не кормят и... в общем, ему, бедняге, в свое время туго пришлось, я уверена в этом так же, как в том, что мы сидим сейчас с вами и разговариваем. Он не хотел, чтобы Берти ходил в муниципальную школу. Сам-то он, конечно, там не учился.

– А где он учился?

– Не знаю, – покачала головой Мэй, – знаю только, что школу не закончил и ушел на войну.

– А про его военную службу что-нибудь известно?

– Ничего. Он не любит распространяться на эту тему.

– Не знаете даже, в каком полку он служил?

– Нет. Знаю только одно: школьником он совсем не собирался становиться служителем в церкви. Это я поняла по случайным замечаниям, которые, бывает, срываются у него с губ. Знаете, иногда мне кажется, что его отец был священнослужителем. В таких семьях детей всегда держат в черном теле, и, когда он, не сдержавшись, говорил что-нибудь, – так это он так выражал свои чувства к родне.

– У него нет ни фотографий, ни книг – ничего?

– Одну-две книги он открывал. Обе не на английском. Сейчас покажу.

Мэй принесла два тома в потрепанных переплетах и протянула их Круку.

«“Илиада” в оригинале. Весьма необычное чтение для церковнослужителя, – подумал Крук, перелистывая книгу. Одна страница была заложена зеленым автобусным билетом, а на фронтисписе значилось: Х. В. Феррис, 1874. – Папаша, надо полагать. Выходит, имя осталось прежнее. Можно попробовать покопаться в этом направлении». Крук подумал о бесчисленных Феррисах, наверняка участвовавших в войне, а если этот Феррис, по словам жены, бросил школу в 1917 году, когда ему и восемнадцати не исполнилось, то вполне мог взять чужое имя. В семнадцатом году власти не обращали внимания на такого рода мелочи.

– А как насчет вещей? Взял он с собой что-нибудь?

– Нет. Костюма у него всего два, и второй в гардеробе. И в туфлях ушел старых. Вторая пара тоже на месте.

– Деньги?

– Лишних у него никогда не водилось. Я должна была увидеть, что ему плохо. То есть, что плохо, я знала, но не догадывалась насколько.

– А раньше он бывал так грустен... или так беспокоен, как сейчас?

– Было однажды. Тогда он еще заговорил, что хочет бросить работу. А это всегда был плохой знак.

– И давно он прислуживает в церкви?

– Пять лет.

– Ну и как вам кажется, нравилось ему там?

– Нравилась тишина и то, что не приходится встречаться с людьми.

– А что, он боялся людей?

– От него самого я ничего подобного не слышала.

– А когда он заговорил о том, что хочет уйти с работы?

– Всего день или два назад. Сказал еще, что, если подумать, Лондон не такой уж большой город.

– Скажите мне вот что. – Маленькие глазки Крука походили на два цветных камешка. – С тех пор, как он пропал, вы что-нибудь о нем слышали?

– Неужели вы думаете, что я бы не отдала все, что у меня есть, – кроме Берти, конечно, – лишь бы узнать, где он сейчас?

– Ну, и где, по-вашему?

– Говорю же, не знаю. – Она закрыла лицо руками. – Не знаю.

«Но кое-какие предположения у тебя наверняка имеются, – подумал Крук, – да и у меня тоже. Моя ставка – река, а ошибаюсь я не часто».

– А что с деньгами, которые он откладывал? – продолжал Крук.

– Он их держал в почтовом отделении.

– Стало быть, они и сейчас должны быть там?

– Наверное. Я не проверяла. – Такого поворота Мэй не ожидала. Это давало новые поводы для раздумий.

Крук увидел, что она напугана, сильно напугана.

– А где у него чековая книжка? – безжалостно наступал он.

– Обычно он ее держит в тумбочке, в спальне.

– Она и сейчас там?

– Могу посмотреть.

Мэй вышла из комнаты, а мистер Крук остался на месте, погруженный в раздумья. На оконном стекле зажужжала сонная муха, и Крук смахнул ее на ковер, вспомнив при этом исчезнувшего мужчину, не способного никого и пальцем тронуть, в том числе скорее всего и муху.

Такие вот в конце концов и слетают с катушек, подумал он. А где, интересно, ребенок? Если у нее осталась хоть капля разума, следовало бы увезти его отсюда. Вроде она что-то говорила насчет родни в деревне. Там было бы лучше не только ребенку, но и ей самой, особенно если она что-то скрывает. Устами младенца...

Мэй вернулась с чековой книжкой в руках.

– Вот, лежала там же, где и всегда, – сказала она.

– Не открывали еще?

– Пока нет. – Она заглянула в чековую книжку да так и застыла, слабая и беззащитная, под его пронизывающим взглядом.

Не спуская с нее глаз, Крук увидел, как на ее лице постепенно появляется выражение страха, а потом ужаса. Он шагнул вперед.

– Держитесь.

«Выходит, все так, как я с самого начала и думал», – сказал он себе.

– Итак?

– Он снял все, до последнего пенни, а мне и слова не сказал. – Кажется, именно это ее более всего и задело. Она буквально рухнула на стул. – Слава богу, я отправила отсюда Берти, – услышал он ее невнятный шепот. – Там его оберегут от всех пересудов.

Из чековой книжки выскользнул клочок бумаги и спланировал на ковер. Крук поднял его. Ровным, выдающим руку грамотного человека почерком там было написано: «Деньги найдешь в Библии. Дам о себе знать при первой же возможности». Он заставил ее поднять голову и прочитать записку. В глазах ее потухла всякая надежда.

– Выходит, он все же сделал это.

– Сделал что?

– То, чего я всегда боялась. Всякий раз, как он впадал в это свое состояние, я со страхом думала: а что, если этот раз последний? Что-то в такие моменты с ним происходило... не знаю даже, как сказать... в общем, словно свет внутри него потухал и неизвестно, зажжется ли он когда-нибудь снова.

– Где вы держите Библию? – спросил Крук.

– Здесь, в буфете. – Мэй пересекла комнату и откинула тяжелую дверцу. На полке лежала старая, большого формата книга с пожелтевшими страницами и иллюстрациями: ангелы, явившиеся Аврааму, ангел, остановивший Валаама и его ослицу, волхвы, предсказывающие рождение Христа. Судя по всему, иллюстратор питал особое пристрастие к ангелам.

– И на небесах не будет ни браков, ни регистрации браков, – скривился в насмешливой улыбке адвокат. – Ну ладно, ладно, увидев этих ангелов, любой поверит, что такие сложности вам не грозят.

Мэй, однако же, не разделяла его интереса к этим возвышенным сюжетам. Она листала книгу, извлекая из нее банкноты, каждая номиналом в один фунт стерлингов.

– Голова у него, ничего не скажешь, на месте, – заметил Крук. – Он понимал, что пятерки и десятки сразу бросятся в глаза, в отличие от фунтовой бумажки. Ну, и сколько там всего?

Они вместе пересчитали деньги.

– Семьдесят восемь фунтов.

– А сколько он снял со счета?

– Восемьдесят один.

– Стало быть, себе оставил три. Из чего следует, что отсутствовать он предполагает не слишком долго.

– А мне так кажется, что возвращаться он вообще не собирается, – пересохшими губами выговорила Мэй.

– А почему он вообще ушел? – Крук бросил на нее острый взгляд.

– Он был чуткий человек, – просто ответила она.

Крука не назовешь сентиментальным человеком, но и он в этот момент почувствовал, что его охватывает дрожь. Вопреки распространенному мнению, кое-какое воображение у него имелось. Судьба Ферриса виделась ему сейчас не глазами самого этого человека, но глазами женщины, вышедшей за него замуж, женщины, которая, не выказывая своих сложных чувств, все еще его любила, но чувствовала, что этой любви недостаточно для того, чтобы исцелить раны, нанесенные ему войной, и ее последствия. Думать об этом было невесело. Где он? На дне каменоломни, или реки, или на шпалах, а то и на веревке, свисающей с дерева в каком-нибудь уединенном месте, – нет, удивляться тому, что она так потрясена, не приходится.

– Почему три фунта? Почему не десять шиллингов? Уж дураком-то его никак не назовешь. Наверняка у него есть некий план. В этом вы можете не сомневаться.

Ему хотелось бы узнать кое-что еще, но сейчас задавать новые вопросы бесполезно. Найдутся другие, кто сможет на них ответить. Он сказал, что будет завтра утром в море, и уже шагнул к двери, когда она спросила безжизненным тоном:

– А с этим мне что делать?

– Деньги – ваши.

– Нет, я про другое: полиции сообщить?

– Есть одно хорошее правило: никогда не говорить полицейским больше, чем нужно. Они ведь про деньги не спрашивали, верно? Не спрашивали. Скорее всего просто не думали, что у человека, получающего три фунта в неделю, остается что откладывать. Дождитесь

утра. Если спросят прямо, скажите все, как есть. Если нет, держите язык за зубами. Правда, если бы все так поступали, жилось бы мне гораздо хуже, чем сейчас.

Глава 4

Эта женщина говорит правду, убеждал он себя, возвращаясь на улицу. Про деньги она ничего не знала, не может быть, что она просто разыграла спектакль. Ну и что из всего этого следует? Что он на дне реки? Но если так, то зачем ему понадобилось отклоняться от дороги к месту назначения и всаживать нож в спину этому парню? Странно. Что ж, остается надеяться, что если мы побольше узнаем о прошлом дружищи Ферриса, то и концы с концами связать удастся. Если это все же река, то бобби получит фунт за то, что поднял тебя со дна, а ты – полгода, если будешь поднят слишком быстро. Занятное у нас общественное устройство. Не удивительно, что мы сами себе надоели, а для всего остального человечества сделались проблемой.

На этом месте своих размышлений мистер Крук поднял голову и увидел приближающегося к нему клирика средних лет и неопределенной наружности. Преподобный Фейн, как называли его поставщики различных продуктов, напомнил Круку одного хорошо известного служащего еще более известного лондонского банка, одинаково ненавидящего шляпы и подтяжки. Его можно было увидеть на улице в любую погоду бредущим мимо Епископских ворот в брюках, удерживаемых одной лишь гигантской булавкой, и злые языки утверждали, что в один прекрасный день булавка весьма печальным образом сломалась. Крук в эту легенду не верил и вообще не мог понять, чему тут радоваться, ибо, по его словам, вид пожилого господина, облаченного в одни лишь шерстяные подштанники, не так уж и забавен. И тем не менее мистер Фейн напомнил ему этого персонажа. Он производил впечатление человека, у которого не только предметы одежды, но и все части тела удерживаются на своем месте при помощи таких вот булавок. Это был худой и на редкость костлявый мужчина, который при ходьбе раскачивался настолько сильно, что производил впечатление пьяного. При этом он, прищелкивая пальцами, деловито обсуждал что-то с самим собой. Да, фигура нелепая, но от высокого лба веяло благородством, а орлиный нос и четкая линия скул делали его лицо незабываемым.

Мистер Крук шел так, чтобы непременно оказаться на пути этого замечательного клирика. Мистер Фейн, едва не налетевший на преграду в виде груды сильно помятой мужской одежды, затоптался на месте и сделал шаг влево. Загадочным образом стена последовала за ним. Мистер Фейн немного попрыгал на месте, затем поднял голову. Ему открылось крупное лицо с багровыми щеками, сильно выступающие вперед могучие челюсти, блестящие крысиные глазки и длинный нос – все это вместе взятое нависало над ним так грозно, что он показался себе едва ли не щепкой.

– Прошу прощения, – забормотал он.

– Ну что вы, что вы, – перебил его мистер Крук, не желая уступать ему в вежливости. – Мистер Фейн, если не ошибаюсь?

– Он самый. – Возникшая было растерянность чудесным образом исчезла, сменившись откровенной настороженностью.

Подумал, наверное, будто я хочу что-нибудь выпросить, решил проникательный мистер Крук, а вслух негромко сказал:

– Видите ли, я прихожанин, хотя священству стараюсь не досаждать. Меня зовут Крук, я адвокат. Не сомневаюсь, что от людей вашего звания можно не ждать всякого рода шуток по этому поводу.

Настороженность наложилась на растерянность: теперь мистер Фейн просто терялся в догадках. Возможно, подумал он, это помешанный – здоровенный, толстомысый и, наверное, опасный помешанный. Или человек, до недавнего времени владевший банком, а потом убивший кассира и все еще находящийся на свободе. Прежде мистеру Фейну – насколько

ему самому это было известно – с убийцами встречаться не приходилось, но убийца вполне мог походить на этого человека.

– Я представляю интересы миссис Феррис в деле об исчезновении ее мужа, – продолжал Крук.

Мистер Фейн наконец понял, с кем имеет дело. С неким господином, который хочет собрать деньги на цели, никакого отношения к церкви не имеющие.

– А я и не знал, что миссис Феррис нужен адвокат, – сухо заметил он.

– Он может понадобиться самому Феррису.

– В этой стране человек считается невиновным, пока не доказано обратное. В настоящее время против этого господина не выдвинуто никаких обвинений...

– Но они могут быть выдвинуты, – примирительно заметил мистер Крук. – В британской полиции работают люди, лишённые воображения. Вы знаете среди полицейских хоть одного поэта? Ну, конечно, не знаете. Их просто нет. Вам скажут, что какой-то ни в чем не повинный господин остановился послушать музыку. Вы возразите, что музыка его не интересует, а на вас тупо посмотрят и, возможно, процитируют Шекспира.

Теперь мистер Фейн окончательно убедился, что его собеседник – помешанный, и попытался умиротворить его.

– Да, в ваших словах что-то есть. Тем не менее я не могу согласиться с тем, что миссис Феррис нужен адвокат и...

– Вы просто не знаете, для чего нужны адвокаты. Это не просто противники стороны обвинения, к тому же они гораздо более симпатичны. Их можно сравнить с жидкостью, которую, если верить газетной рекламе, надо давать детям, когда на них нападёт икота, а на самом деле годящейся для того, чтобы смыть краску со стены ванной. Ладно, вернемся к миссис Феррис. Я только что был у нее. В одном можно быть уверенным: чем скорее Феррис отыщется, тем ей будет легче. Неведение просто изматывает ее.

– И полиция не отстает, – согласился мистер Фейн. – Знаете, ей пришлось отправить ребенка в деревню.

– Весьма разумно с ее стороны. А теперь я хотел бы попросить вас рассказать мне кое-что о Феррисе.

Мистер Фейн почувствовал себя мухой, попавшей в сплетенную пауком паутину и безуспешно пытающейся из нее выбраться.

– Все, что мне известно, я уже рассказал полиции, – запротестовал он.

– Но я не полиция, более того, меня называют Надеждой Преступника. Имея в виду ваш сан, это должно вам понравиться, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Не вижу, чем бы я мог быть полезен... – уныло вымолвил мистер Фейн, гадая, отчего это так получается, что какой-нибудь примерный прихожанин вдруг выскочит из ниоткуда в самый неподходящий момент, в то время как в тех редких случаях, когда этого ждешь, вся паства скрывается за плотно закрытыми дверями домов.

– Ну, например, вы могли бы мне сказать, из тех ли Феррис людей, что склонны к самоубийству.

– Со мной он на эту тему никогда не говорил. Впрочем, он вообще редко говорил со мной о личных делах. Людям моей профессии, – добавил мистер Фейн, которому весь этот разговор неожиданно начал казаться интересным, – приходится выслушивать множество историй личного свойства, которые ни веселыми, ни вдохновляющими не назовешь. Но что поделаешь, такова наша работа, и мы стараемся сделать ее как можно лучше. Но человек вроде Ферриса... у меня всегда было ощущение, что если бы кто-нибудь знал, как его разговаривать, если бы кто-нибудь проник в тайну его скрытых страхов – а у меня никогда не было сомнений в том, что он чего-то боится, чего-то такого, что не хочет назвать по имени, – то ему можно было бы помочь.

– Но вам так и не удалось заставить его раскрыться?

– Нет. Извините, но у меня назначена встреча, боюсь опоздать, – сказал мистер Фейн. – Впрочем, вы могли бы меня проводить. Спасибо. Нет, не удалось... я всегда, как бы это сказать, наталкивался на сопротивление, которое не мог преодолеть. Полагаю, он даже с женой никогда не был откровенен до конца. Все это как-то связано с неизвестными трагедиями войны.

– Он долго у вас служил? – спросил Крук.

– Пять лет. Должен признаться, брал я его не без некоторых колебаний. Прежде всего, раньше он ничем подобным не занимался, ну и... были другие причины. Но впоследствии выяснилось, – поспешно договорил мистер Фейн, – что о лучшем помощнике я и мечтать не мог.

– А говоря о «других причинах», – настаивал Крук, – вы что имеете в виду?

Мистер Фейн явно помрачнел.

– Видите ли, для работы в церкви требуется определенный тип личности, – пробормотал он. – И вначале я не мог быть уверен, что он отвечает этим требованиям. В конце концов, раньше этот человек работал... э-э... носильщиком в отеле, где-то в районе Блумсбери. Как-то не очень стыкуется одно с другим. И я согласился на этот эксперимент лишь потому, что мне его рекомендовала, и рекомендовала весьма настойчиво, одна дама, которую я знаю много лет и на чье суждение всегда мог полностью положиться.

– А почему она принимала в нем такое участие?

– Она считала, что место носильщика... ну, это не совсем для него. Вы, должно быть, в курсе, что Феррис получил некоторое образование. А к тому же в гостинице... у него не всегда все складывалось благополучно.

Разругался, наверное, с кем-то, подумал Крук, а вслух сказал:

– Про себя он что-нибудь вам рассказывал? Я имею в виду, когда вы брали его на работу?

Мистер Фейн задумался.

– Нет. Нет. В общем, нет. Сказал только, что ищет тихое место, в гостинице, мол, слишком шумно...

Крук повел своим длинным носом.

– Я бы сказал, объяснение вполне достаточное, даже для него. Ведь к вам ходит не слишком много народа?

– После исчезновения Ферриса церковь, можно сказать, превратилась в эстраду, – неожиданно вскипая, вскричал мистер Фейн. – Люди идут толпами, точно туристы, лишь бы на колокол поглазеть. Слушайте, я на днях столкнулся с одним мужчиной в шляпе – а ведь это все-таки церковь, – и когда указал ему на это, он только отмахнулся со смехом. Нельзя, сказал, считаться со всеми этими старыми предрассудками. На дворе, мол, тысяча девятьсот тридцать восьмой год.

– Название гостиницы, где работал Феррис, не припомните? – терпеливо спросил Крук.

– Нет, знаю только район – Блумсбери. Да, помню еще, что название было какое-то чудное, откровенно говоря, очень чудное.

– Отзывы у него были хорошие?

– Миссис Белл – это та дама, о которой я говорил, – не могла на него нахвалиться.

– А она что, управляла этой гостиницей?

– Да нет, конечно. Останавливалась в ней.

– Поговорить с ней можно?

Мистер Фейн благочестиво перекрестился:

– Она почил.

– Печально, – вздохнул мистер Крук.

Но почтенный викарий, кажется, его не слышал.

– Нью-Кинг, нет, Нью-Куинн, так, что ли, – бормотал он про себя. – Что-то, помнится, связанное с королевской семьей. Да, точно. Нью-Риджент.

– Плохо, что тело этого парня обнаружили только на следующий день, – вклинился в поток его воспоминаний мистер Крук.

– Это потому, что в западном углу церкви у нас имеется нечто вроде колокольни, – пояснил мистер Фейн, возвращаясь к своей смутной манере выражать мысли. – В большинстве церквей колокольная веревка свисает в само помещение, но у нас... у нас, повторяю, колокольная отделена от него. Заходят туда только для того, чтобы позвонить в колокол, а поскольку это было обязанностью Ферриса, то понятно, что никому и в голову не пришло туда заглядывать.

– Вы звоните только по утрам?

– Как правило, колокол созывает к восьмичасовому молебну, но в среду в церкви не было служителя. Далее звонят еще дважды – в двенадцать, перед молитвой Ангела Господня, и в шесть вечера. В отсутствие Ферриса это делает либо мой помощник, либо я сам, но в тот день у нас обоих были дела поважнее.

– Ясно. Странно, что до сих пор ничего не известно об этом несчастном.

– Насколько я знаю, полиция всегда проявляет в таких случаях исключительную сдержанность: часто утверждает, что ей ничего не известно, хотя на самом деле это не так, чтобы... как это у них принято говорить? Обвести преступника вокруг пальца.

– И неужели получается? – восхитился мистер Крук. – Что ж, спасибо, что уделите мне время. И еще одно, самое последнее. Как думаете, если бы миссис Феррис узнала что-нибудь о местонахождении своего мужа, она бы его выдала?

– Никогда не знаешь, чего ожидать от женщин, – серьезно ответил мистер Фейн. – Решительно никогда. Они непредсказуемы. Но если бы и выдала, то не потому, что считает его виновным в преступлении – я хочу сказать, в общем понимании этого слова. Вот уже почти тридцать лет я являюсь невольным конфиденнтом женщин, и ни разу не было случая, чтобы их понимание вещей совпадало с мужским.

– Да, об этом стоит подумать. Ну что ж, в одном, по крайней мере, мы с вами сходимся. – Мистер Крук вытянул свою сильную мускулистую руку, слегка прикоснулся к рукаву викария, как бы признавая его своим союзником, и весело пошел дальше.

Гостиница «Нью-Риджент» выглядела в точности, как все остальные вытянутые в высоту здания из песчаника, расположенные на этой улице. Название ее было намалевано над входной дверью, а также на покрывшихся грязью колоннах кремового цвета по обе стороны от ведущей к ней лестницы, и только благодаря этому тот, кто остановился здесь на день или два, мог отличить гостиницу от всех остальных домов в округе. Повсюду на окнах висели плотные кружевные занавески, на которых в различных позах были изображены купидоны с урнами в руках, с улицы можно было увидеть одинаковую зелень в горшках, кое-как расставленных на столах. Разноцветные гардины на четырехстворчатых окнах, выходящих на улицу, походили одна на другую, как две капли воды. Картину довершали одинаковые дверные молоточки в форме черных дельфинов и неизменно сдвоенные мусорные баки в цокольных этажах.

Крук, имевший, к большому неудовольствию своих собратьев по профессии, склонность к проведению самостоятельного расследования всегда, когда только представлялась такая возможность, поднялся по ступенькам и взялся за ручку молотка-дельфина. Через несколько минут дверь открыла коротконогая девчушка; на ней был грязный фартук, бегающие глазки походили на две крыжовины, на плечи падали соломенного цвета волосы, и весь ее вид выдавал необыкновенную живость.

– Номер требуется? – Она окинула посетителя оценивающим взглядом. – Сейчас позову миссис Фармер.

Она захлопнула дверь и оставила Крука стоять на коврикe вплотную к вешалке, тяжело нагруженной пальто и зонтиками. Обои выглядели так, как он и ожидал, – выдержанные в желтых тонах, они походили на жидкую подливку к какому-нибудь блюду; ступени лестницы покрыты ковровой дорожкой, все помещение неистребимо пропахло овощами и жареной рыбой, а сверху доносились приглушенные движения, шушуканье и осторожные шаги – так ходят люди, живущие не у себя дома. На верхней площадке лестницы появилась пожилая дама в синем бархатном халате и, метнув на Крука быстрый опасливый взгляд, поспешно нырнула в туалет. Кто-то открыл входную дверь своим ключом. Вошел тощий юнец с перекинутым через руку макинтошем. Макинтош он повесил на вешалку и проследовал мимо Крука, даже не заметив его, словно это был не человек.

Когда подолгу живешь в таком месте, забываешь, как выглядят люди, примирительно сказал самому себе Крук.

В дальнем конце коридора открылась дверь, и в холл направилась молодая женщина с живописно растрепанными волосами; на ней был фартук с оборками, а под ним, как определил для себя Крук, платье из искусственного шелка; по дороге она всячески старалась поправить прическу, но все эти попытки не могли скрыть того факта, что естественный цвет ее волос – черный.

– Это вам нужен номер? – кокетливо осведомилась она. – Боюсь, у нас все занято.

– Рад за вас, – от души сказал Крук.

У миссис Фармер одновременно вытянулось лицо и опустились руки. Появившийся в тот момент студент-индеец, словно тень, скользнул мимо, но миссис Фармер успела взять себя в руки и окликнуть его:

– А, это вы мистер Рам, мне надо будет сказать вам два слова, когда этот джентльмен уйдет. Да, – неуверенно продолжала она, вновь обращаясь к Круку, – так если вам нужен номер...

Одно из твердых убеждений последнего заключалось в том, что если выигрываешь первую «подачу», то есть все шансы выиграть и гейм. Подавить моральный дух соперника – так это называют ученые люди. А моральный дух миссис Фармер несколько пошатнулся, это было очевидно.

– Да нет, – с той же сердечностью откликнулся мистер Крук. – Номер мне не нужен. Мне хотелось бы кое-что выяснить.

Лицо ее словно окаменело.

– Я не могу нести ответственность за всех своих постояльцев, – заявила она. – Разумеется, я всегда интересуюсь биографическими данными...

– Речь идет не о постояльце, и я не из полиции, – перебил ее мистер Крук. – Мне хотелось бы спросить про некоего малого по имени Феррис, который пять лет назад служил у вас носильщиком.

– Да, но я здесь всего четыре года. – Миссис Фармер разгладила фартук.

– А может у вас кто-нибудь его помнить?

– Право, затрудняюсь сказать. Вряд ли люди так уж хорошо запоминают обслугу.

– В таком случае, может быть, среди ваших пансионеров есть кто-нибудь, кто живет здесь пять или больше лет?

– Да, мисс Фитч, у нее номер на верхнем этаже. Только не думаю, что у нее есть причины помнить какого-то носильщика.

– А я так думаю, что, живя на верхнем этаже, она как раз вполне может его помнить.

– Она проживает здесь на льготных условиях, – холодно пояснила миссис Фармер. – Я могла бы сдавать этот номер в шесть раз дороже, но поскольку она въехала так давно...

– Сейчас она здесь?

– Думаю да, ведь сегодня Британский музей закрыт.

– А что, она любит там бывать?

– Когда-то работала там – не знаю уж, в каком качестве, – и с тех пор так привыкла ходить туда по утрам, что стала походить на кукушку в часах, которая не знает, как ей остановиться.

– Могу я подняться к ней в номер?

– У меня правило: джентльменам в спальни вход запрещен.

Крук подумал про себя, что если все живущие здесь дамы походят на нее и мисс Фитч, следовать этому правилу совсем не трудно.

– Хорошо, в таком случае, где мы можем с ней поговорить?

– В общей гостиной.

– Где это?

– Наверху. Если вы соблаговолите немного подождать, я пошлю горничную узнать у мисс Фитч, может ли она встретиться с вами.

– Пусть скажет, что я в любом случае дождусь ее, – невозмутимо заметил мистер Крук.

В гостиной стоял резкий запах бамбука, им пропахли даже обои. Когда Крук вошел туда под бдительным присмотром горничной, там сидела пожилая дама в синем бархате, откровенно вздрогнувшая при виде мужчины.

Мистер Крук уселся на стул, скрестил свои толстые ноги и осведомился:

– Давно вы здесь обитаете?

Дама походила на обитательницу аквариума, чьи очертания смутно угадывались в приглушенном зеленоватом свете, а плавники нервно подрагивали в попытке удержать прищельца на расстоянии.

– Я... э-э... – забормотала она. – Ой, совершенно забыла, надо кое о чем попросить... – Неловко обогнув мистера Крука, она выплыла в открытую дверь.

Мисс Фитч оказалась неприметной маленькой пожилой женщиной, во внешности которой выделялся один лишь рот: казалось, он передвигается по всему лицу на туго натянутой привязи.

– Добрый вечер, – заговорила она, увидев мистера Крука. – Говорят, вы хотели меня видеть. Что вас интересует?

– Носильщик по имени Феррис. Он здесь работал когда-то.

– И что же вы хотели бы о нем узнать?

– Все, что вы можете рассказать, – просто ответил мистер Крук.

– Что-нибудь случилось? – Она решительно уселась и указала собеседнику на плетеное индийское кресло рядом с собой.

– Вы что, газет не читаете?

– Не читаю. Не вижу в этом смысла.

– Почему же, иногда это бывает довольно занятно, – возразил мистер Крук.

– Все, что мне интересно, я нахожу в Британском музее. Каждому из нас отмерен свой срок, и мне вовсе не хочется растрачивать его на весь этот современный мусор. Да что там говорить, уже в следующем веке истории просто *не будет*.

– Феррис исчез.

– Не сомневаюсь, у него были на то свои причины. – На лице мисс Фитч и мускул не дрогнул.

– Я тоже в этом не сомневаюсь. Но полицию очень интересует, что это за причины.

– Ах вот как? – Голос ее звучал ровно, как у одной из тех египетских статуй, перед которыми она так часто застывала в благоговейном молчании. – Ничем не могу помочь.

– После его исчезновения в церковной ризнице был обнаружен труп.

– Чей?

– Неизвестно. Ясно только, что не его.

– И это единственное, почему полиция его разыскивает? Вы полицейский?

– Упаси Господь, – благочестиво перекрестился мистер Крук. – Ну что, помните вы этого человека?

– Конечно, я его помню. Единственный из известных мне носильщиков, который с первого взгляда узнал Берн-Джонса³. Станный малый. Как говорится, не от мира сего.

– Знаете что-нибудь о его биографии?

В выражении лица мисс Финч ничего не изменилось, но мистер Крук почувствовал некоторое напряжение в самой атмосфере.

– Кажется, он воевал. И был контужен, бедняга. По крайней мере, мне так всегда казалось.

– А сам он ничего про это не говорил?

– Хорошие носильщики – а он был хорошим носильщиком – никогда не заговаривают с клиентами, если те сами не спросят о чем-то.

– Иными словами?..

– Иными словами, в такие игры дамы не играют. Вот вы, например, как говорят в церковных книгах, с кем-нибудь когда-нибудь делились своими бедами?

– Я адвокат, – просто сказал мистер Крук.

– А, ну тогда понятно. Но поверьте мне, в девяноста пяти случаях из ста люди, доверившиеся кому-то другому, уже через двадцать четыре часа начинают жалеть о своей откровенности. Разделить беду – значит наполовину ее уменьшить. Это легко сказать, но ведь простым рассказом беду не разделишь, а услуг, которые другие, даже те, кто считает себя вашими друзьями, могут или готовы вам оказать, – таких драгоценных услуг очень мало. Нет, я никогда не старалась разговорить его. Поймите, я уважала этого человека.

– А почему он ушел отсюда, не знаете?

– Из-за одной неприятности.

– Что за неприятность?

– Ожерелье. Одна дура, уходя, оставила у себя в номере дорогое ожерелье, а потом стала твердить, что его украли.

– И она обвиняла в краже Ферриса?

– Говорила, что, насколько ей известно, в номер, когда ее там не было, заходил только носильщик. С багажом, понимаете?

– Ну, а Феррис что?

– Утверждал, что не видел ожерелья.

– Думаете, лгал?

– Да нет, вряд ли. В гостинице вроде этой не так уж много мест, где можно спрятать такую вещь, а ведь он не мог не понимать, что заподозрят прежде всего его.

– С чего бы это? Ведь раньше за ним ничего такого не водилось.

– Просто лицемерная британская система устроена так, что если какая-то вещь украдена, то виновным скорее сочтут слугу, нежели человека, получившего образование в частной школе.

– Именно такую школу он и закончил.

– Да, но те, кто здесь оказывается, вряд ли сознаются в этом.

– Ага! Однако же люди, имеющие драгоценности, здесь останавливаются?

– Ну, это она так говорила. Я лично никогда этого ожерелья не видела.

³ Берн-Джонс Эдвард (1833–1898) – близкий к прерафаэлитам английский художник и мастер декоративно-прикладного искусства.

– А кто-нибудь, кроме самой этой дамы, его видел?

Мисс Фитч задумалась. Потом сказала решительно:

– Да, был тут тогда один отвратительный тип. Прожил недолго. Из тех, знаете, кто говорит со слугами так, словно Всемогущий создал их для его удобства, причем благодарить Его за это не следует.

– Думаете, он и стянул вещицу?

– Не удивилась бы, коли так.

– И что было с ним потом?

– Исчез – как и ожерелье. Но Феррис ушел раньше.

– Причину объяснил?

– Да, сказал, что хочет найти работу поспокойнее. После войны у него нервы совсем никуда были.

– Точно. Своему новому работодателю он сказал то же самое.

– А кто его новый работодатель?

– Викарий церкви Святой Этельбурги. Это одна из тех церквей, где в свободное время всех желающих учат звонить в колокол.

– Что ж, хоть какое-то разнообразие после того, как то и дело отвечаешь на звонки в дверь.

– Может, ему это тоже пришло в голову.

– Вряд ли. Этот человек был совершенно лишен чувства юмора. Иное дело, что войну он, смею сказать, не находил таким уж веселым занятием. Чтобы оценить весь юмор ситуации, надо было оставаться по эту сторону Пролива.

– А что насчет другого типа, ну, того, что украл ожерелье?

– Всегда удивлялась, отчего он никак не хочет оставить Ферриса в покое. С того самого момента, как появился здесь, кажется, только и старался насолить Феррису. «Эй, ты там, пошевеливайся. Думаешь, тебя в гостинице для красоты держат? Если не хочешь потерять работу, друг мой, поворачивайся, когда я с тобой говорю». Ну и так далее. На редкость вульгарный тип.

– Как вы думаете, у него были особые причины так вести себя или это просто воспитание такое?

К восхищению мистера Крука, мисс Фитч все схватывала на лету.

– Вы хотите сказать, не приходилось ли им встречаться прежде? Понятия не имею. Знаю только, что Феррис хотел как можно скорее прекратить это знакомство.

– А тот малый... как его...

– Здесь он представился Фентоном.

– Да, так вот этот Фентон интересовался, где теперь обретается Феррис?

– Да, всех спрашивал, куда он подался. Но никто не знал.

– Действительно не знали или не хотели говорить?

– Понятия не имею. Я, во всяком случае, не знала.

– Как он выглядел, этот Фентон?

– Отвратный тип. Большая голова, короткие ноги. Любил выпить.

– Здесь, в гостинице?

– Ну да, достаточно было послать в винную лавку официанта и дать ему немного на чай. Только вот про последний момент он всегда забывал. Знаете что, – мисс Фитч наклонилась и положила на обтянутое твидом мощное колено Крука свою сморщенную ладошку, – знаете что, послушайте моего совета. Если Феррис не хочет, чтобы его нашли, так и оставьте беднягу в покое. Он и без того достаточно нахлебался.

Но Крук, как только что появившийся на свет слоненок, все никак не мог удовлетворить своего любопытства.

– А чем Фентон зарабатывал себе на жизнь?

– Не знаю, судя по виду, бегал от полиции. Вылитый мошенник. Ни один приличный человек не взял бы его на работу.

– Он долго еще здесь оставался после того, как Феррис уволился?

– Да с ним каждый день покажется долгим, разве что не в тюрьме, но и там он станет головной болью для начальника. Сколько оставался, спрашиваете? Пожалуй, неделю, хотя не уверена, друзьями мы не были.

– И с тех пор вы его не видели?

– С такими в Музее не встретишься, а я, если не нахожусь там, то главным образом провожу время в постели. Вполне безопасное, знаете ли, место, – хмыкнула она.

Внизу пронзительно зазвонил звонок. Мисс Фитч резко поднялась.

– Мне пора. На ужин зовут. Сегодня овощной день, но первым трем достанется мясной суп.

Перед уходом Крук попросил разрешения просмотреть регистрационные записи пятилетней давности. Одна из них гласила: Джеймс Фентон, Блэкберн. Судя по всему, этот малый прожил здесь около пяти недель и если и оставил адрес для пересылки корреспонденции, то где-то в другом месте.

Глава 5

Самой удивительной особенностью дознания, проходившего на следующее утро, стала жаркая стычка между коронером и свидетелем-подростком Стэнли Хоупом. До появления последнего на свидетельском месте все шло гладко, как и предполагал известный своим сварливым нравом коронер. Вначале дала показания миссис Феррис. «Известно ли вам что-либо, миссис Феррис, о средствах, которыми мог располагать ваш муж?» – «У него было не более нескольких шиллингов, сэр, максимум фунт», – твердо ответила Мэй. Викарий породил немалые подозрения своим страстным панегириком в честь исчезнувшего служителя, как и тем, с какой явной неохотой он раскрыл обстоятельства, заставившие взять его на работу. Об этом говорить вообще не следовало, раздраженно подумал Крук, который никак не мог понять, отчего это священнослужители – не только дети Света, но еще и какие-то особенно неразумные дети здешнего мира. Хозяин «Синицы в руках» подтвердил, что накануне вечером Феррис заходил к нему в бар и вид у него был весьма изможденный, а местный констебль заявил, что в тот же вечер, только несколько позже, видел, как тот идет по улице с каким-то мужчиной.

– Лица этого мужчины не разглядели?

– Нет, сэр.

– И кто это мог быть, не знаете?

– В районе Эрлс-Корт живет много народа, сэр. Откуда мне знать всех?

– Как видите, несмотря на призывы полиции предоставить любую информацию, способную пролить свет на произошедшую трагедию, он так и не появился, – сентенциозно изрек коронер, и суду стало ясно, что представитель власти уже решил для себя, что этот незнакомец и человек, найденный мертвым в ризнице, – одно и то же лицо.

И тут пришла очередь Стэнли. Его показания о неизвестном, которого он видел в церкви во время службы, вызвали сначала удивление, а затем недоверие.

– Так, говоришь, этого мужчины не было в церкви, когда ты пришел?

– Нет, сэр, были только две старые дамы.

– Уверен?

– Совершенно уверен, сэр. Я всегда смотрю, кто из прихожан в церкви. По утрам это почти всегда одни и те же три-четыре человека.

– И ты не видел, как этот таинственный незнакомец входит в церковь?

– Нет, сэр. Да я и не мог видеть. Я был в ризнице, а это в противоположном углу церкви.

– Понимаешь ли, никто из дам, что были в церкви, вообще его не видели.

– А как они могли его увидеть, если обе были в часовне Святой Девы в восточном углу, а помещение для служек расположено у южного входа в церковь? Так что увидеть этого человека можно было только случайно, вот как я, например.

– И ты не слышал, как он входит в церковь?

– Нет, но у него могли быть резиновые подошвы. К тому же он был отделен от меня двумя дверями.

– Он уже был там, когда началась служба?

– Вполне возможно, но я его не видел.

– И мистер Фейн, по его словам, тоже не видел.

– Конечно, нет. Он торопился, да и не станет же он оглядываться по сторонам перед службой.

– Так когда, говоришь, тот человек ушел из церкви?

– Скорее всего, во время чтения символа веры. Во всяком случае, когда я начал собирать пожертвования, его уже не было.

– Тебе удалось разглядеть его?

– Он стоял сгорбившись, лицо закрывал ладонями, так что много я не увидел, только голову и руки. Я бы сказал, крепкий такой мужчина.

– А тебе не кажется странным, что, кроме тебя, его больше никто не запомнил? Ни молочник, который как раз в это время развозит свой товар, ни двое мальчишек – разносчиков газет, ни водитель фуры, ни кто-нибудь из случайных прохожих, никто?

– Так в семь утра на улице совсем мало народа. А кстати, кто видел входящим в церковь того, другого парня? Я имею в виду, которого нашли мертвым.

Коронер, казалось, на минуту смешался. Мистер Крук хмыкнул и сказал про себя: «Один ноль в твою пользу, малыш».

– Да и выходящим тоже, – пробурчал коронер.

Стэнли, однако, было не так-то просто сбить с толку.

– И мистера Ферриса тоже никто не видел уходящим, – напомнил он коронеру. – Да и как я входил в церковь, если уж на то пошло, тоже никто не видел.

Еще раньше коронер заставил Мэй признать тот факт, что у ее мужа был складной нож, похожий на тот, что торчал в спине у убитого.

– Так ведь такие ножи есть еще у сотни людей, – прорыдала она.

В конце концов жюри пришло к заключению, что таинственный незнакомец на задней скамье церкви – это всего лишь плод детского воображения. Да, Стэнли дал официальные показания, но это еще ни о чем не свидетельствует. Подросток, как минимум раз в неделю ходящий в кино, вполне мог принять тень в церковном приделе за живого человека. Больше его никто не видел, он рассеялся, как дым, и никак не укладывался в картину произошедшего, как ее нарисовало себе следствие. Пусть даже подросток сам уверовал в то, что действительно видел этого типа. Жюри признало Уильяма Ферриса виновным в умышленном убийстве, и судья немедленно выписал ордер на его арест.

Все еще не веря услышанному, Мэй поднялась и направилась к выходу, но тут же почувствовала на своей руке чью-то ладонь и, подняв голову, увидела крупного мужчину с багровым лицом, который был у нее накануне.

– Все нормально, – негромко проговорил он, – ведь именно этого мы и ожидали. Не позволяйте себе падать духом.

Выйдя на улицу, Мэй удивилась, увидев на небе яркое солнце: после перенесенного испытания ей почему-то казалось, что мир должен окраситься в траурные тона. Она обернулась и снова увидела все того же мужчину. Он открыл дверь такси, подтолкнул Мэй внутрь, нетерпеливо бросил: «Ну, где этот мальчишка?» – и повелительно махнул рукой юному Стэнли. Тот безропотно скользнул внутрь, и такси отъехало.

Мэй сидела совершенно прямо, словно аршин проглотила, ее руки в скромных нитяных перчатках сжимались и разжимались на коленях.

– Как они могли? – наконец прошептала она. – Как они могли?

– Другого вердикта и быть не могло, – заверил ее Крук. – Ваш муж исчез, а на этом малом была его сутана, он лежал в ризнице Ферриса, и из его спины торчал нож, также, возможно, принадлежащий Феррису. Любое расследование должно с чего-то начинаться. И вам нет нужды беспокоиться по этому поводу.

– Вы не понимаете. – Мэй медленно повернулась к нему: – Представьте себе на секунду, что он слышал их приговор. Что бы, по-вашему, он сделал? Это последняя соломинка, та самая, что переломила спину верблюду...

Крук задумался. Она была права. Но юный Стэнли высказал более здравую мысль.

– Ничего подобного, – заявил он. – Это означало бы признание в убийстве. Найти мистера Ферриса и узнать, почему он ушел, – вот что нам надо сделать. Знаете, – Стэнли

порывисто повернулся к Круку, – у меня появилась идея. Может, он увидел тело в ризнице и испугался, что все подумают, что это он...

– Ты не в кино, – едва сдерживаясь, перебил его Крук. – Где был Феррис, когда этот тип надел его сутану? Нет, нет, позвольте мне рассказать, как мне все это представляется. – Он повернулся к Мэй: – У него были какие-то причины уйти – может, подскажите, какие?

Она помотала головой.

– И этот малый должен был заменить его в церкви, дав ему, таким образом, несколько часов свободного времени. Это объясняет наличие пяти шиллингов в кармане пальто убитого – плата за выполнение обязанностей служки. После окончания службы никто в течение долгого времени Ферриса не хватится. Как вам такая версия?

– Обычно он приходит около восьми, чтобы прибраться в церкви, – с некоторым сомнением возразил Стэнли.

– Да кто там в это время бывает? Никого, а даже если кто-то из престарелых дам задержится, что с того? Репутация у него отменная, ну, увидят его, решат, что вернулся за чем-то – приличный семейный человек, жена, ребенок, да и церковь после окончания службы не запирают. Нет-нет. Ваш викарий говорил мне, что в колокол звонят в полдень, это как-то связано с ангелами. Что ж, возможно, Феррис решил, что если один раз на удар будет меньше, ничего страшного не произойдет. Так, говорите, не знаете...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.